

Надежда ВАСИЛЬЕВА

г. Петрозаводск

Гагара

повесть

* * *

Илона прочла. Но особых чувств история Ибедной Лизы у неё не вызвала. Как-то уж больно сентиментально, а потому верится с трудом. И зачем Алла Ивановна стала это читать в классе? Лучше бы на дом задала, а потом уж обсуждали на уроке. Не такой уж у неё актёрский дар, чтобы подражать голосу юной особы из прошлых веков. И все эти слащавые эмоции в мясорубке Аллушкиных ругательств превратились в совершенно безвкусный винегрет!

Люба Прохина, самая, пожалуй, начитанная девчонка в их классе, утверждала, что многие хлёсткие выражения Аллушка придумывает сама. Мол, у неё, как у носителя словесности, на этот счёт редкое природное дарование. Но мужское самолюбие мальчишек эти «творческие изыски» классной дамы не принимало. И на это её «природное дарование» им было, прямо скажем, глубоко наплевать. Любе Прохиной нравился Тарасов. Правда, ничем таким она себя не выдавала, но всё же однажды Илона поймала её восхищённый взгляд, брошенный в Борькину сторону. И задумалась. По стати они, конечно, друг другу подходили. Любка везде и всегда держалась королевой. Но! И осанка, и лебединая шея, и медленные, полные величия повороты головы, и даже её заумные фразы... — всё это плыло мимо Борькиного внимания. Илона часто ловила на себе Любкины ревностные взгляды.

— Нет, Чижик! — вернул к действительности голос Сашки Кравченко. — Пусть бы лучше Аллушка копыто сломала! Тогда бы не неделю, а несколько месяцев отдыхали. Вот бы расслабились!

— Зачем зла человеку желать?! — возмутилась Света. — Самим же потом хуже будет. Проболеет, а потом начнёт по программе гнать как сумасшедшая. Вы же её знаете. У Аллы Ивановны гипертрофированное чувство ответственности.

— Светка права! — поддержал её самый мелкий в их девятом «Б» классе Вовка Денисов. —

Окончание. Начало в журнале «Север» № 7-8, 2014 г.
Повесть «Гагара» вошла в число лучших произведений для детей и подростков по итогам Международного конкурса имени С.М. Михалкова.

Аллушка потом всех действительно загонит. Сейчас нас на замену ей математикой до одури накормят, а потом каждый день будем сочинения по ночам строчить. Так что, как говорит мой мудрый дед, «хрен не слаще редьки»!

Про Вовку Денисова следует рассказать отдельно.

Он появился в их классе как-то неожиданно, посреди учебного года. Пришёл на урок вместе с Аллой Ивановной.

— Денисов Владимир — ваш новый одноклассник. Прошу любить и жаловать! — представила она его классу. — Он приехал к нам из Воркуты.

— Ух ты! Из Воркуты! — хохотнул Чижиков, делая ставку на удачную рифму «ты» — «Воркуты». — И каким же ветром его к нам занесло?

— Чижиков! Перестань паясничать! — пристрожила Витьку учительница.

— Алла Ивановна, — подхватил хохму Тарасов, — а он случайно классом не ошибся? Уж больно ростом маленький. Может, ему не в восьмой, а в пятый надо?! — и закрутил головой, ловя взгляды одноклассников. Оценят ли его остроумие? Но классу нападать на новенького явно не хотелось. Что-то было у него во взгляде такое, что вызывало невольное уважение. Илоне долго было не понять, что именно. И только потом дошло. В глазах новенького не было страха. Потому и вёл он себя так, будто не чувствовал на себе любопытства тридцати пяти пар глаз.

— Уймись, Тарасов! — погрозила Борьке пальцем Алла Ивановна. — И вспомни русскую народную поговорку: «Мал золотник, да дорог!» И наоборот: «Велика фигура, да ...» Она не договорила, за неё договорил Кравченко:

— «...да дура!» Это про тебя, Бульба!

— Заткнись! — рявкнул Борька.

— Борис, это домыслы Саши Кравченко. Я не тебя имела в виду. Кстати, в характеристике у Володи написано, что он имеет большие способности к математике. Сядешь на вторую парту, — кивнула она головой в сторону Илоны. — Надеюсь, Илона не будет возражать?

Илона пожала плечами, мол, а мне-то что, и подвинулась, давая новенькому место. Из-за спины донёсся ядовитый Борькин шёпот:

— С ней рядом сидеть опасно. Она своих

приближённых на тот свет быстро отправляет!

Много подколок глотала от Тарасова, но тут вдруг чаша терпения переполнилась. Встала и, подойдя к Борьке, изо всех сил хлёстко вмазала ладонью по щеке. От неожиданности Борька на минуту «завис». Девчонки ахнули. Парни почти в голос протянули: «Вот это да-а-а-а!»

— Ну, Гагара! Перед новеньким выпендриваешься?! — наконец опомнился Борька. — А не боишься, что сдача замучает?!

Но Илона уже садилась на своё место и сделала вид, что не слышит.

— Прекратите немедленно! Что за мафиозные разборки?! — опомнившись, закричала классная. — Развели тут на уроке неизвестно что! Не класс, а сборище хамов! Хоть бы новенького постеснялись! И это при классном руководителе! Вот возьму и соберу экстренное родительское собрание! Не мам, а пап! И, пока все папы не придут, не буду вести уроки!

— Мне повезло, у меня бати нет! — зевая во весь рот, оповестил всех Лёня Туз.

— Дай бог терпенья! — как на убогого, посмотрела на Лёньку Алла Ивановна. И, выпустив, что называется, пар, классная, как это делала обычно, всё-таки перешла к проверке домашнего задания.

Новенький вёл себя так спокойно и естественно, что очень быстро стал в классе «своим в доску», хоть голос свой подавал редко. Видно, был из тех, кто хорошо знает цену словам. И к нему прислушивались. Хоть ростом он был Тарасову по плечо, а Тузу — и вовсе по грудь, на все Борькины подколки отвечал с таким юмором и достоинством, что часто ставил Бульбу в тупик, а другим ребятам это удавалось крайне редко. Илоне особого внимания Вовка не уделял. Как однажды выразилась Светка, «дышал в её сторону спокойно». И очень скоро Борька потерял к нему сопернический интерес.

Вот и в тот день Вовкины слова заставили класс задуматься. Стоит ли недобрым посылом «ломать Аллушке ноги». Всё-таки мысли материальны.

— Вообще-то, Аллушка не такой уж и злыдень, — как всегда беспристрастно констатировал Лёня Туз. — Бывают учителя в сто раз хуже её. Взять хотя бы математичку. Улыбаясь,

будет единицы в пятки вшивать. А на вид — сама доброта. У нашей же Аллушки слова впереди мыслей скачут. Вот в чём её беда.

Илона озадаченно склонила голову набок. Однако!.. Неужели все толстые люди такие добрые? Лёньку ей всегда было почему-то жалко. Ещё в детском саду ребята часто щипали его за бока и хором кричали: «Жир! Жир! Жир!» И даже Тамара Петровна, видя его неумный аппетит, стучала по руке: «Тузов! Пореже ложкой работай! Пореже!» А бабушка Лара, как врач, объясняла это так: «Сахарный диабет. Нарушен обмен веществ. Бедный ребёнок!»

— Но с обзывками классной как-то всё-таки надо бороться! — вывел Илону из задумчивости вкрадчивый голос Катьки Федотовой. — Только как?! Вопрос!

Ну, Катька! Тихоня тихоней, а тоже вон как воду мутит! Видно, Аллушкины эпитеты всех уже достали. И вдруг осенило:

— А что если после самой первой обзывки всем классом встать?! В знак протеста! — быстро заговорила Илона. — Просто молча встать, и всё! Может быть, тогда она поймёт и укоротит свой язык?

— Мысль неплохая! — закрутил головой Чижиков, ища поддержку у парней. — Молодец, Гагара! Иногда котелок у тебя варит.

— Да уж «варит»! Какая ты умная, Гагара! — сразу же наехал на неё Борька. — Ну, встанем, а дальше что? Так и будем, как истуканы, стоять целый урок? Нафиг это надо!

— Почему целый урок? — не сдавалась Илона. — Попросим её извиниться. А после того как извинится, сразу сядем.

— Да ладно тебе, Гагара, лапшу нам на уши вешать! Жди! Извинится она! Нашла дуру! Будет Аллушка подрывать свой педагогический авторитет! Что-нибудь такое придумает — мало не покажется. Первая сдрейфишь и сядешь как миленькая. Аллушка знает, чем, кому и как пургу нагнать! — не сдавался Борька.

— Борис прав! — поддержала Тарасова Любка Прохина. — По-детски как-то!

Но тут раздался тихий голос Вовки Денисова.

— Зря ты, Бульба, идею Гагары на корню режешь, — задумчиво, как бы сам с собой, стал вслух размышлять он. — В этом что-то есть! Представьте картину. Аллушка: «Бездари!», а

мы — хоп: и все как один дружно встаём. У неё язык от неожиданности отнимется. Точняк!

— А кто извинения требовать будет? — ехидно улыбнулась Люська Ершова. Полные плечи её так и затанцевали, так и заподпрыгивали. До чего ж коварная! Вон как по классу глазами стреляет. Выискивает жертву. А сама, как всегда, останется в стороне. Это уметь надо!..

А Люська уже сверлила её острым взглядом.

— Хотя... чья идея — тому и карты в руки. Или ты, Илонка, за пятёрки свои боишься?

— Не боюсь! — решительно трянула головой Илона. — Надо — скажу!

— Посмотрим! — многозначительно подытожила Любка Прохина.

— Замётано! — весело изрёк Борька, потирая руки. — Проведём эксперимент!

— Ох, как головы полетят! — хохотнул Чижиков. — Я с собой видеокамеру принесу. Такое не запечатлеть для потомков — грех!

В коридоре послышались мужские шаги. Все головы в классе разом повернулись к двери. И стало слышно, как жужжит толстая муха на оконном стекле. В дверях показалась голова физрука Геннадия Ивановича.

— Девятый «Б»! На физкультуру. Литературы не будет. Алла Ивановна заболела.

— Ура!!! — зычно раздалось со всех сторон.

— Мол-чать!!! — по-военному рявкнул физрук. — Уроки идут! На площадку выходим и тихо! Кто не понял — в команду по волейболу не войдёт, будет сидеть на скамейке болельщиков.

Но и игра в волейбол не выветрила из голов девятого «Б» идею Илоны противостоять оскорблениям учительницы. И даже Борька Тарасов уже не выискивал аргументы «супротив», а только на всех переменах злорадно подначивал:

— Гагара! Слабо грудью на амбразуру?! А?!

Но Илона, смерив его спокойным и полным достоинства взглядом, молча отворачивалась. После смерти Владика Борька снова стал проявлять к ней повышенное внимание. Уставит на неё свой смеющийся взгляд и гипнотизирует. Правда, близко к ней теперь не подходил. Помнил, наверное, тот хлёсткий удар по щеке.

Дружба с Владькой многое изменила в характере Илоны. Самое главное — исчез этот вечный страх. Не только исчез, но более того.

Иногда из неё теперь, как однажды выразился отец, даже «драка лезла».

Подруга Светка как-то однажды призналась:

— Знаешь, Илонка, ты так изменилась, совсем другой стала!

— Какой? — искренне удивилась Илона.

— Как будто у тебя опять тот камень в руке. Ну, помнишь, бойкот в детском саду? Ты ведь тогда камень в руке держала. И мальчишки, даже Борька, боялись к тебе подходить.

Илона не ответила. А что тут скажешь? Было дело. Но камень-то не для защиты держала. А ну её, Светку, пусть что хочет думает.

— Нет, правда! — задумчиво рассуждала подруга. — Просто ты себя со стороны не видишь. У тебя такой взгляд...

— Какой?! — снова пыталась её Илона.

Светлана растерянно пожала плечами.

— Ну, такой... Мне трудно это объяснить. Словно ты человека насквозь видишь. И от этого как-то жутко становится. Твоего взгляда даже учителя смущают. — Илона усмехнулась. — Да! Да! Ты не смейся! Я это замечала. Аллушка, и та перед тобой пасует!

— Да ну тебя, — отмахнулась Илона. Но самолюбию это потрафило.

Аллушка появилась в школе недели через две. Вся она была какая-то домашняя, обмягшая, словно из неё вышел не только вирус гриппа, но и ещё что-то такое, что мучило и донимало её в личной жизни. Класс, настроенный на эксперимент, разочаровался. А Тарасов высказал вслух пошлую догадку:

— Может, мужик у неё завелся?

Парни одобрительно загоготали. И только Вовка Денисов не купился на шутку Бульбы.

— Скорее всего, мысли наши читать научилась, — тихо озвучил он свои предположения.

— Ну, дела! Что, в классе «идиоты», «бестолочи», «придурки» перевелись?! — хохотнул Чижиков.

И только Люська Ершова мыслила иначе.

— Это она после отдыха спокойная такая. Вот пройдёт неделя, другая — посмотрим, как заговорит, — обвела лукавым взглядом лица одноклассниц она. И оказалась права.

Перед самым концом первой четверти Аллушка снова стала лютовать.

— Смотри, Гагара! — напомнил Борька Тарасов. — Если Аллушка кого-то оскорбит и ты не встанешь в знак протеста, при всех в лицо плюну за глупую идею и пустые обещания! Усекла?

Даже спиной Илона чувствовала недобрые взгляды одноклассников. Но отвечать на Борькин словесный вызов до поры до времени не сочла нужным.

И момент настал. Парни, словно сговорившись, стали испытывать Аллушкино терпение. Громко перешёптывались, нарочно с грохотом роняли на пол тяжёлые предметы, и даже кто-то умудрился мяукнуть, да так, что парни в классе зафыркали в кулак.

Аллушка в истерике стукнула указкой по столу так, что деревянный конец её сломался, отлетел и ударился о стекло оконной рамы. И тут же крашенные губки учительницы начали выплёвывать уже подзабытые всеми обзывки:

— Гнусные твари! Бездушные и чёрствые!

Илона решительно встала, с шумом отодвинув стул в сторону. За ней как по команде поднялся весь класс. Губы учительницы сомкнулись в гузку. Она даже отпрянула к доске. С минуту в классе царила могильная тишина. А в голове у Илоны проносилось: «Посчитать бы эти словесные изобретения. Интересно, на словарь хватило бы?» И всё-таки есть телепатия, кто бы это ни отрицал. Иначе бы не устремила на неё свой изумлённый взгляд Аллушка! В глазах классной засыл ужас. Илоне почудилось, будто всю школу затягивает в какую-то безмолвную чёрную дыру вселенной. От гробовой тишины, нависшей над классом, стало звенеть в ушах. Но она продолжала в упор смотреть прямо в глаза учительнице.

— Это что, бунт?! — сдавленно прошептала та.

— Извинитесь, пожалуйста, Алла Ивановна! — спокойно и твёрдо произнесла Илона. — И больше никогда нас не оскорбляйте! Накажите того, кто виноват. Навешивать ярлыки всем подряд не надо!

— Да ты что себе позволяешь?! — словно опомнившись, накинулась на неё классная. — Да я... Да я... Да ты знаешь, что я могу с тобой сделать?!

— Что? — спокойно спросила Илона.

— И ты ещё спрашиваешь?! — взвизгнула Аллушка. — Не ожидала от тебя такой наглости! Понимаю: это ты всех подговорила! — И, как дирижёр оркестру, махнула классу сразу двумя руками: — А ну-ка сядьте все! Немедленно!

Но класс продолжал стоять.

— Илона! Прекратите этот глупый фарс!

— Алла Ивановна! Мы уважаем вас, простим и сядем. Только признайте свою вину. Мы вас просим!

Учительница смотрела на неё так, как смотрят на шаровую молнию.

— Я должна просить прощение у вас?! За что?!

— За оскорбления.

— Ах, вот оно что! Простите великодушно! За то, что довели меня до такого состояния, что с языка стали срывать неприличные фразы!

И хоть говорила Аллушка это с явной иронией, но слова прозвучали. Илона села. За ней следом с шумом стали усаживаться остальные. Аллушка машинально поправила рукой причёску, взяла в руки учебник и стала читать. Что? Вряд ли кто из ребят мог бы ответить на этот вопрос.

А после уроков Илона первой вышла из класса. По дороге домой её догнал Борька Тарасов.

— Наивная ты, Гагара! Думаешь, что победила? Фиг там! День-два пройдёт — Аллушка забудет твой урок и снова распустит свой язык. Это у неё в крови. Понимаешь? И что, всякий раз будем, как придурки, вставать? Не жди! Эксперимент удался, но продолжение бессмысленно.

Илона остановилась и внимательно посмотрела в глаза Борьке.

— Ну что ты меня гипнотизируешь?! — взвился он. — Возомнила о себе чёрт знает что! Считаешь себя умнее всех?!

Перекинув школьную сумку на другое плечо, Илона ускорила шаг. За спиной раздалось почти восхищённое:

— Ну, Гагара!!!

Классная держала себя в руках недолго. Оскорбления снова слетели с её губ. Илона встала. За ней поднялось человек семь. Аллушка проигнорировала их протест и продолжала урок, так и не извинившись. Семь человек упорно отстояли

до конца урока, целых полчаса. В дневниках «вольной семёрки» появилась запись: «Вызывающе ведёт себя на уроках русского языка и литературы». В третий раз вслед за Илоной поднялся только Вовка Денисов. То ли замечание подействовало, то ли стоять весь урок ребятам надоело. На перемене Вовка тихо сказал:

— Знаешь, это уже становится смешным. Давай прекратим эту комедию.

Слова его Илона проглотила молча. И бунт перешёл в поединок, за которым весь класс наблюдал с вождленным любопытством.

Однажды Аллушка в гневе попыталась выгнать Илону из класса, но она не двинулась с места. Учительница подбежала к ней и уже хотела схватить за рукав школьного платья, но Илона так взглянула на неё, что рука классной сразу опустилась. А Борька громко прокомментировал: «Руки!»

— Не умничай, Тарасов! — глядя в пол, произнесла Алла Ивановна. И тихо сказала, обращаясь к Илоне:

— После звонка подойдёшь ко мне на разговор!

Это был последний урок в кабинете литературы. Алла Ивановна торопливо заполняла журнал.

— Садись! — кивнула она на первую парту. — Подожди немного.

Илона внимательно следила за лицом учительницы, пока та небрежно строчила ручкой по бумаге. Никогда не замечала, что у Аллы Ивановны под глазами столько мелких морщин. И белые пряди вовсе не мелирование, а обычная незакрашенная седина. Глаза учительницы были такими усталыми, словно она только что одна разгрузила вагон кирпичей. В груди шевельнулась жалость. И уже не представляла, каким может быть этот разговор. Наконец учительница отложила ручку в сторону, подпёрла рукой щёку и долго смотрела ей в глаза.

— Знаешь, ты вообще-то молодец. Личность. Редкое явление в наши дни. И то, что хочешь отучить меня от дурной привычки, тоже похвально. Сама понимаю, что нехорошо это, а вот сдержаться не могу. Устала, что ли? Я ведь в школе работаю уже тридцать пять лет. На пенсию пора. К тому же, если честно, педаго-

гом быть я вообще не хотела. Поступала в театральный! Актрисой хотела стать. Но на экзаменах провалилась. Потому и пошла на филфак, в педагогический. — Она помолчала, задумчиво глядя в окно, будто не видя там ничего, кроме тех своих юношеских дней. А Илоне вдруг наконец стало понятно, почему Алла Ивановна так любила это чтение по ролям. — Извини, — спохватилась классная и стала поспешно собирать тетради. — Домой бежать надо! У меня мама больна. Десять лет уж с постели не встаёт и последнее время совсем умом тронулась. Кто бы только знал, как тяжело мне с ней! Ваш выпуск будет моим последним. Кстати, ты кем хочешь стать?

Илона растерялась. Такого поворота в этой щекотливой ситуации никак не ожидала. А потому ответила не сразу.

— Учителем начальных классов. Или школьным психологом.

— Замечательно! Тогда не раз меня вспомнишь и простишь. Но лучше бы тебе податься в филологию. У тебя такая чуткая душа! И характер сильный. Будешь отличным лидером. Ведь самые большие проблемы — в подростковом возрасте. В начальных классах учитель ещё для ребят — авторитет. А вот с пятого всё и начинается. Знаешь, — вдруг улыбнулась она, — ты больше не вставай, ладно? Дай знак, подними руку. Я увижу, извинюсь. Договорились?

Илона кивнула.

— Вот и хорошо! А теперь иди. Маму обедом кормить надо, а у меня ещё ничего не куплено, ничего не сварено. Вчера до полуночи сочинения ваши проверяла.

Илоне ещё хотелось о чём-нибудь поговорить с Аллой Ивановной, но та уже встала и торопливо укладывала тетради в сумку.

И долго в этот день не хотелось возвращаться домой. Гуляла по парку, загребая ногами кленовые листья. Не хотелось ни о чём думать. Какая разница, кто прав, кто виноват? Произошло то, что должно было произойти. И нужно принимать всех такими, какие уж есть. Как эти кленовые листья. Они ведь тоже все такие разные. Есть чисто жёлтые, есть огненно-бордовые, есть коричневатые с зелёной прожилкой, есть разноцветные, будто кто обтёр об

них кисти разных красок. Есть просто коричневые, засохшие. И Борьку этого по прозвищу Бульба, и самодовольную Любку Прохину, и скомороха Витьку Чижикова, и даже ехидную Люську Ершову — всех нужно воспринимать такими, какие есть, не подстраивая мир под свои взгляды и представления. Ведь в каждом есть что-то хорошее. Вот и Аллушку взять... Не такая уж она злая, как о ней думают ребята. И здесь Лёнька Тузов абсолютно прав. Просто устала от жизненных проблем. Другая бы на её месте мстить принялась, и возможностей таких у неё много, а она... «Молодец», — говорит, — «личность», «редкое явление в наши дни». Вот и пойми тут что-нибудь!

Вспомнилось, как они в восьмом классе поздравляли Аллу Ивановну с днём рождения. О дне рождения догадались по новому платью и бусам, сделанным из семян настурции.

— У вас что, день рождения сегодня? — с явным подвохом спросила Люська Ершова.

— Да, — улыбнулась Алла Ивановна. — Пятиклассники мне эти бусы подарили. А что, не нравятся?

— Нормально! — сдержанно похвалил Борька Тарасов. — Примите наши поздравления! А сколько вам лет исполнилось, если не секрет?

— Да какой там секрет? Пятьдесят семь.

— Ни фиги себе! — присвистнул Витька Чижиков. — Я думал, к восьмидесяти! — И удивление его было настолько искренним, что Алла Ивановна рассмеялась. А Катя Федотова возмутилась:

— Вот дурак! — но почему-то мысль эту развивать не стала.

Пол-урока потом Илона голову ломала над тем, почему такими взрослыми и даже старыми всем кажутся учителя. Бабушке Ларе в прошлом году отмечали шестидесятилетний юбилей. Но выглядит она намного моложе Аллы Ивановны. И одевается моднее. Особенно когда в санаторий на юг собирается. Неужели работа в школе настолько высасывает женщину? Наверное, вырабатывается этакий «учительский стереотип»: учить, ругать, наказывать, требовать. И можно ли этот «стереотип» разрушить?

Работа по воспитанию Аллы Ивановны начала давать свои результаты. Как только её эмоции брали над ней верх и с языка срывалось плохое слово, Илона опускала взгляд в парту и поднимала руку. Алла Ивановна останавливалась в своём «красноречии», тихо произносила: «Вы уж меня простите!» — и продолжала урок. Поднимать руку теперь приходилось всё реже и реже. И как-то однажды учительница подозвала Илону к себе.

— Спасибо, милая! Действительно, очень важно научиться сдерживать себя. Ты мне очень помогла. Знаешь, я ведь себя после всего этого... Ну, сама понимаешь, после чего, всякий раз очень ругаю. И даже, случается, впадаю в депрессию. А теперь себя уважать больше стала. Только прошу тебя, пусть эти мои откровения останутся между нами. Договорились? Ты ведь всё понимаешь, не по годам взрослая. И я очень верю в тебя! Знаешь, может, тебе лучше и правда школьным психологом стать? Хорошая профессия! И перед классом весь день стоять не надо. Подумай.

Илона так и вспыхнула вся. А потом вдруг взяла руку учительницы в свои ладони:

— Спасибо вам, Алла Ивановна! За всё спасибо. Вы... Вы очень хорошая!.. Я не знала даже, что так в жизни может быть!.. Я бы так, как вы, не смогла! Честное слово!

Внутри всё задрожало от какого-то непонятного ей волнения. И даже во рту пересохло.

— Что не смогла? Ругаться, как я, что ли? — грустно пошутила та.

— Да нет, я не об этом! — И покраснела ещё больше.

— Ну вот! Успокойся, милая, и домой иди, — погладила её по плечу Алла Ивановна. И вдруг высказала такие витиеватые мысли, которым трудно было уложиться в голове: — Все мы друг другу в этой жизни учителя. И возраст никакой роли не играет! Мы вас учим, вы — нас. Да, да! Не смотри на меня так. Если сейчас что не поняла, потом поймёшь. Всё приходит в своё время.

А в начале второй четверти на урок литературы вместо Аллы Ивановны пришла другая учительница. На перемене по классу из уст в уста летал слухок: Аллушку «ушли»! Как вы-

яснилось потом, кто-то из родителей пожаловался «куда следует», а кто-то из класса на камеру тот «инцидент» снял. Классной было предложено уйти на заслуженный отдых. Каждый норовил Илону поздравить. Мол, молодец, Гагара! Поделом Аллушке. И только Лёнька Туз грустно вздохнул:

— Рано радуетесь. Как нам Аллушка говорила: «От медведя уйдёшь — на волка нарвёшься».

А у Илоны вдруг ноги отнялись.

Не понимала раньше фразу: «ноги отнялись!» Как это могут отняться ноги?! В тот день на себе испытала, как это случается. После уроков одна сидела в классе, пока дежурные не пришли мыть полы. Не могла встать. Ноги сначала сделались ватными, а потом... Потом и вовсе перестала их чувствовать. И только насмешливый оклик Витьки Чижикова вернул в действительность:

— Ты что, Гагара, расселась, как в предбаннике. Чеси домой давай! Да радуйся: твоя взяла! Аллушке давно на пенсию пора. Теперь какую-нибудь практикантку дадут. Это как пить дать! Будем из неё верёвки вить. И ты нюни не распускай! Всё будет в шоколаде!

Практикантку класс принял с молчаливым равнодушием. Звали её Юлией Юрьевной. За ней сразу закрепилось прозвище ЮЮ.

ЮЮ была ни-ка-кой! Бледное застывшее лицо. Ни красок, ни эмоций. Словно это было не лицо, а посмертная гипсовая маска. Балахонистый, под цвет рыжеватых волос, костюм её скрывал все признаки человеческой плоти. Одним словом, во всём облике ЮЮ не нашлось бы нигде места для души.

И что возьмёшь с «ни-ка-кой»? Даже «верёвки вить» из неё никому не хотелось. Все слова практикантки отлетали от класса как от стенки горох. Что называется, «ни уму ни сердцу». На литературе царствовала тоска зелёная. Даже голос у ЮЮ был каким-то бесцветным. Искося разглядывая практикантку, Илона поражалась тому, как несправедлива бывает природа. Тот же историк на фоне ЮЮ казался пятнышком светлым и потому запоминающимся. Но самым невероятным для всех было то, что ЮЮ была замужем! И муж, инженер, присланный к ним в город на

стажировку, эту мымру чуть ли не на руках носил. Когда они под ручку шли вдвоём по городу, люди оборачивались и невольно смотрели им вслед. Холёный красавец с большими карими глазами и чёрными, ровно подстриженными усиками над верхней губой, всем своим видом показывал, как он обожает свою избранницу.

Только теперь Илона поняла поговорку: «Всё познаётся в сравнении».

Вот уж точно! У Аллушки душа была живая. И даже ругательства её исходили от бессильного желания передать им свои знания, причём все, до последней капельки. ЮЮ была человеком в футляре. Ей было абсолютно всё равно, как к ней относились окружающие, а уж тем более ученики. Оттарабанила своё — и ладно. И на этот случай Аллушка бы сразу напомнила им пословицу: «Петух прокукарекал — а там хоть не рассветай!» Что ни говори, но все слова Аллы Ивановны, равно как и обожаемые ею народные пословицы и поговорки, в память врубались накрепко. А теперь даже русский у всех разом захромал. У кого-то однажды родилась идея навестить бывшую классную, погреть ей душу словами благодарности и попросить вернуться в школу. Но, как выяснилось, похоронив мать, из города Алла Ивановна уехала. Причём куда-то далеко, кажется, к сестре, потому как своих детей у Аллы Ивановны — это они знали точно — не было. Классное руководство было передано физику, которому некогда было разводить с ними «душещипательные» беседы. Геннадий Иванович был сторонником военной дисциплины, когда «приказы не оспариваются». Морально-нравственный климат в подопечном классе его ничуть не волновал. И целых два с половиной года они варились в собственном соку.

Что только не вытворяли они на уроках литературы! И урны на стол ставили, причём с венником да рукояткой вниз. И портреты писателей жёваной бумагой заплёвывали. И учебник по литературе гвоздём огромным к столу прибивали. Ничто ЮЮ «не колыхало».

А однажды Борька выловил в интернетовской помойке статью «Крик души темноклювой гагары». И, включив кинопроектор, вывел на классный экран. Статья начиналась с пот-

рясающего снимка взлетающей гагары. Не обращая внимания на входящую в класс ЮЮ, Сашка Кравченко с деланной выразительностью стал читать почти поэтический текст:

«Доводилось ли вам когда-нибудь слышать заунывную песню темноклювой гагары? В ней и одиночество, и тоска, и необъятность водных просторов. Эта красивая водоплавающая птица — символ американского штата Миннесота. Она также изображена на канадской монете в один доллар».

— Ну, тебя, Гагара, и занесло-о! — протянул Чижигов. — Аж на доллар канадский угораздило попасть!

Илона не шелохнулась. ЮЮ спокойно положила кожаный портфель на стол и села, отодвинув стул в сторону. Тоже стала смотреть на экран.

«Чем же уникальны песни темноклювых гагар? Репертуар их довольно разнообразен. Обычно вечером и ночью их протяжные с подвыванием стоны слышны на много километров вокруг. Менее громкими звуками — гиканьем — гагары подзывают «брачных партнёров», — выделяя голосом значимость последних двух слов, Сашка для пущей важности многозначительно поднял вверх палец, — птенцов, а также других особей на своём озере».

— Запоминай, Бульба! — вслух комментировал Витька.

ЮЮ не реагировала, словно её вообще не было в классе.

— «Единственный звук, издаваемый гагарами в полёте — вибрато, сигнал тревоги, напоминающий хохот. Про тех, кто без удержу смеётся, бывало, говорили: «Сумасшедший, как гагара».

— А это, Чижик, про тебя! — прикрывая зевок ладонью, заметил Лёня Туз. — Только к Илонке не клейся. Бульба тебя в порошок сотрёт.

Тут Люба Прохина громко хмыкнула и включила свет, а Люська Ершова угодливо откинула с окна тёмные шторы.

— Ну, дайте дочитать информацию «Известно ли вам?», — притворно занял Витька Чижигов. И, пристально вглядываясь в уже засветлённый экран, продолжал читать:

— «Скорость полёта гагары во время миграции около ста двадцати километров в час». Вот

это да-а-а! Стало быть, тебе, Гагара, иномарка и нафиг не нужна!

— Так! — поднялась ЮЮ, паузой заставляя всех усесться на свои места. — Кравченко за выразительное чтение ставлю пять. Чижикова прошу вслух прочесть своё эссе.

— Какое ещё эссе?! — забрюзжал Витька, слюнявя палец и листая тетрадку.

— То, что было задано на дом, — невозмутимо пояснила ЮЮ.

«Спокойная как слон! — подумала Илона. — Аллушка бы тут уже ногами топала, а эта... хоть плюй ей в глаза — скажет: «Божья роса».

Но статья про гагару в душу запала. Где Борька её откопал? Решила дома всё до конца прочесть.

И снова перед глазами белые стены палаты. На стуле возле её кровати сидит Сусанна Арнольдовна. Илона молчит. Врач тоже.

— Если бы вы только знали, что творилось в душе у меня в тот день, когда я узнала об увольнении Аллы Ивановны! Но слёз всё равно не было. Словно всё внутри закаменело. Мама пыталась задавать какие-то вопросы, но я отворачивалась — мол, не доставай! Прошу тебя! Ничего не случилось! Просто болит голова. Она трогала мой лоб рукой и вздыхала: «Измерь температуру. Вирус ходит».

И умоляюще посмотрела прямо в глаза женщине.

— Скажите вы мне, почему я становлюсь причиной несчастий других людей?! Почему всякий раз, когда я побеждаю, сразу чувствую свою неправоту?! И даже свою жестокость по отношению к этому человеку! И мне не только жаль его, мне больно! Даже физически. Что делать в таких случаях, скажите?! Вы знаете! Вы можете мне помочь!

Но Сусанна Арнольдовна продолжала молчать. И вдруг Илоне снова почудился шёпот. Он шёл рефреном, сразу со всех сторон, словно пробивался к ней из глубины веков:

«Будь доброй. Ведь добрая улыбка, как лучик солнца, разгоняет любые тучи. Будь спокойной. И любой ветер утихнет у твоих ног, не перейдёт ни в шторм, ни в бурю. Будь гибкой.

И ни один укол, ни одна ядовитая стрела не попадёт в тебя. Будь мягкой. И тогда любое зло пройдёт сквозь тебя, не причинив вреда. Как вода проходит сквозь песок или разомкнутые пальцы».

Шёпот стих. И только шум волн продолжал звучать в ушах, навевая сон. Откинувшись на подушку, Илона незаметно уснула. И снова во сне ощутила себя птицей. Вот она одиноко плывёт по озеру. Время от времени её голова опускается в воду, чтобы вновь гордо вознестись над её поверхностью. Вот расправляет крылья и, громко хлопая ими по воде, силится взлететь, но почему-то не может и плюхается грудью на зеркальную гладь озера, скользя по воде до полной остановки.

— Э-э-й! Просыпайся! — сквозь сон услышала она чей-то тихий голос. — Ты что так руками машешь? Я тебе ужин принесла. Вот он, на тумбочке. Только руками не размахивай больше так сильно, а то тарелку разобьёшь.

Над ней склонилась молодая женщина лет тридцати, худенькая, с короткой стрижкой русых выющихся волос, очень похожая на мальчишку-подростка. Какая у неё приятная улыбка! Интересно, кто это?

— Меня Леной зовут. Я твоя соседка по палате. Слава богу, в эту палату тяжёлых больных не кладут. Так что мы с тобой здесь как в санатории. И с лечащим врачом повезло. Сусанна Арнольдовна — потрясающая женщина! Между прочим, гипнозом владеет. У неё и не захочешь, так всё расскажешь. А это в нашем состоянии — самое главное. Потому как опасно человеку в себе замыкаться.

— Почему? — развернулась к ней лицом Илона.

— Сама подумай. Будет цветок расти в наглухо запертом чулане? Даже если и обильно поливать его водой. Всему живому свет нужен! Так и человек. Без доброго общения быстро зачахнет, как тот цветок без света. Поделишься с добрым человеком своей бедой — сразу легче станет. И мысли тёмные из головы уйдут.

Илона скинула с себя одеяло, села на постели, заправила под заколку спутавшиеся волосы.

— А... А вы... — не зная, как начать разговор, тянула слова Илона.

— Давай на «ты», — предложила Лена. — Не записывай меня в древние старухи. — И улыбнулась всё той же обворожительной улыбкой.

— Хорошо. А почему ты здесь?

— Тоже проблемы были. У меня муж погиб. Не смогла я принять эту смерть! Мы ведь совсем недавно поженились, несколько месяцев назад. Я замуж поздно вышла. Всё принца выбирала. Парней-то много вокруг увивалось. А мне сначала хотелось своё дело завести, независимой стать.

— Получилось? — робко поинтересовалась Илона. Ей было важно это знать. Тоже ведь всегда хотелось стать независимой.

Лена горько усмехнулась.

— Получиться-то получилось, только мне это не надо теперь. Всё бы отдала за то, чтобы Пашку вернуть!

В голосе Лены послышались слёзы. Илона молчала. Ни о чём не спрашивала больше. Зачем любопытством человеку душу травить? Взяла тарелку в руки, стала вяло есть винегрет с рыбой.

Палата и правда была неплохой, даже довольно уютной. Светлые шторы, пластиковое окно, на подоконнике — цветы. И даже линолеум на полу новый.

Через некоторое время Лена снова заговорила, только теперь спрашивала она:

— А родители у тебя есть?

— Да, мама с папой. А что?

— А чего с ними не делишься? Если бы моя мама была жива, разве бы такое со мной случилось?

Илона пожалала плечами. А сама задумалась. У неё и правда не было такой привычки делиться своими проблемами с родителями. Почему? Ну, с папой — понятное дело, а с мамой? Вон Светка Татарина говорит, что мама у неё самая близкая подруга. Что маме она может рассказать буквально всё.

Валерия Сергеевна действительно располагала к откровению. И вела себя с ними так, будто она их ровесница. Сядут, бывало, чай пить, и она так это заговорщицки спросит: «Ну, чего там у вас, девчонки, в классе новенького? Колитесь! Я — могила! Никому не скажу».

И правда, никакая важная информация никогда течи не давала. Повезло Светке! А её ма-

ма?.. Нет, она, конечно, хорошая — добрая, заботливая, утром в стакане чая даже сахар размешает. Но её, Илону, такая опека с её стороны даже злит. Что, у неё у самой рук нет?! Но больше всего раздражали «ценные указания»: это не забудь, то не потеряй, там долго не держивайся. И — главное — боится всего. Что-нибудь скажешь такое, у неё сразу от испуга зрачки во все глаза и даже рукой рот прикроет. Разве после этого будешь ей что рассказывать? К тому же что ни скажи — тут же всё отец узнаёт. А он ещё тот правдолюб. Как говорит мама, «сразу шашку наголо». Не зря, видно, казацких кровей. И понятно, почему она с ним делится. Не дай-то бог ему узнать что-нибудь не от мамы, а из чужих уст! Такое начнётся!.. Словом, подобралась семейка...

— Ты книжки-то, что Сусанна Альбертовна дала, читай. Многое поймёшь, — снова заговорила Лена, кивая на книги, что лежали на подоконнике. — Часами с каждым больным врач говорить не может. Это так только, на первых порах. Знала бы, какие «перцы» в соседней палате лежат. Иногда всю ночь спать не дают. Чего только не наслушаешься. Я твою историю плохо знаю. Когда Сусанна Альбертовна с тобой сеанс начала, меня в коридор попросила выйти. Понятно. Личная жизнь — дело деликатное. Однако земля слухами полнится. Говорят, что ты за попытку изнасилования глаз парню выбила. А теперь мучаешься, изводишь душу свою. Правда? — Илона нехотя кивнула. — А зря. На всё воля божья. Значит, именно такой урок обоим нужен был. — Илона только тяжело вздохнула. Ну вот, уже все и всё знают! Представила, что в школе в те дни творилось. Чижиков, наверное, целые спектакли устраивал. И голосом пародировал, и немой пантомимой за двух действующих лиц всё это показывал. Клоун ещё тот! И снова захотелось провалиться сквозь землю.

Поставила на тумбочку тарелку и снова легла, сомкнув руки под головой.

Почувствовав её удручённое состояние, Лена стала успокаивать:

— Не переживай. В народе так говорят: «Всё пройдёт зимой холодной». Сусанна Альбертовна своё дело сделала. И, как говорится, «результат налицо». Иначе бы к винегрету не

притронулась. Ну а теперь давай спать! — и, подойдя к двери, щёлкнула выключателем.

Однако заснули только под утро. Темнота располагала к откровению. Слово за слово — так разговорились! Никогда и никому ещё Илона не открывалась настолько доверительно. Разве что под гипнозом.

Лена рассуждала так мудро и просто, что в хаосе мыслей Илоны стал вырисовываться какой-то органичный порядок. И колкие, как иглы кактуса, вопросительные знаки уже не бомбили душу, как прежде.

— Мужчины и женщины всегда соперничают, — тихо, полушёпотом, делилась с ней своими соображениями Лена. — Это уходит корнями в глубь веков и во все времена было чревато последствиями. А ведь мы такие разные. Не соперничать, дополнять друг друга надо. Но это, конечно, в идеале. Кричат вон феминистки на Западе про равноправие, а подумали бы, какое там равноправие, если женщина не может по силе своей сравниться с мужчиной. Зато в ней много других достоинств, с которыми мужчина просто обязан считаться. Не о равноправии, а о «равновеличии» говорить нужно. А у нас с самого детства между мужским и женским началом — война. — Помолчала, словно вспоминала что-то, и тихо добавила: — Объединить мужчину и женщину в единое целое может только любовь. А любви-то у нас у всех в душе как раз и не хватает.

— Лен, а у вас с Пашей было это, «единое целое»?

Некоторое время Лена молчала. Видимо, вопрос этот задел за живое.

— Сложно сказать. Но скорее всего — да. Вот потому и хотела вместе с ним уйти. Но не получилось. И слава богу! Великий грех. Теперь понимаю: значит, моя миссия на этом свете ещё не закончилась. Не всё отработала, что предначертано. А может, и вообще передо мной другие задачи стоят. Думаешь, в палате одной мы оказались случайно? Как бы не так! Каждый должен задуматься над тем, зачем ему та или иная жизненная ситуация даётся.

Илона примолкла, задумалась. А им-то с Борькой за что... всё это?

— Понимаю, — тихо засмеялась Лена, — голуво ломаешь! А ты начни не с Борьки — с се-

бя. Задай себе вопросы: «Есть ли гордыня?», «Много ли в душе любви к людям?», «Умеешь ли прощать?»... Ты Борьке этому много раз подружески улыбалась за все эти, как ты говоришь, двенадцать лет твоих мучений?

— Я вообще с ним старалась не разговаривать!

— Вот то-то и оно!

— Легко тебе говорить! Знала бы ты, какой он грубиян!

— Ты ведь женщина! Мудрее должна быть. Не атаки его отбивать нужно было, а за помощью к нему обратиться.

— К нему?! — Илона даже приподнялась на локтях. — Какая мне от него помощь нужна?! С ума ты, что ли, сошла?!

— Вот-вот! А он бы лоб расшиб, чтобы тебе угодить. Ведь любит. А это такая движущая сила! Только нужно было уметь направить её в нужное русло.

Илону заклинило. Как сложно всё. Заворочалась на постели. И на этот бок ляжет, и на тот. Никак не успокоится. Мышцы в руках и ногах сами так и дёргаются, так и просят движений.

— Нет, Лен, я всё-таки не понимаю. Что это за любовь такая варварская? Вот Владька, например, он за меня всё время заступался, помогал. И во взгляде столько нежности было! Знаешь, он мне как-то признался, что в детстве просил у родителей сестрёнку купить. Но у мамы, мол, какие-то проблемы со здоровьем. Вот потому, наверное, и взялся меня опекать. А потом действительно как брат с сестрой стали. Да, если честно, не всегда брат с сестрой ладят так.

— Знаешь, всех людей под одну гребёнку стричь нельзя. Владька — такой вот, а Борька — другой. Неужели у тебя к Борьке, кроме ненависти, в душе ничего нет?

Илона не ответила, только вздохнула. Перед глазами появилось забинтованное Борькино лицо, закрытое рукой, чтобы она не видела слёз. И всё-таки какой он дурачина! Многим ведь девчонкам в классе нравится. В футбол, волейбол, баскетбол ли парни начнут играть, им залюбуешься. Красота, сила, ловкость и чёткость движений и самое главное — столько во взгляде устремлённости и достоинства! Его даже все старшеклассники уважали. Вон Любка Прохина по сей день по нему сохнет.

И опять шевельнулся, давая знать о себе, подленький страх: «Будут теперь в школе со всех сторон в неё пальцами тыкать: мол, сломала парню жизнь, сделала инвалидом».

— Не пойду в школу больше! И экзамены сдавать не буду! — неизвестно к кому обращаясь, заявила она уже вслух.

— Вольному — воля! — не глядя на неё, с явным осуждением произнесла Лена. — Не знала я, что ты такой слабак! Толпы боишься?

— При чём здесь толпа?! — огрызнулась Илона, хоть и понимала, к чему Лена клонит.

— Если ты личность, то слушай свой внутренний голос, верь своим собственным ощущениям, понятиям и правилам. И не оглядывайся на «тётю Мотю», которая там что-то когда-то кому-то сказала! На каждый роток не накинешь платок! Будешь так вот на всякий чужой чих реагировать — быстро с пути собьёшься. Придумала тоже — целый год времени терять! Жизнь может такой крен дать, что все эти соседи, родственники, одноклассники окажутся «за бортом». И думать про них забудешь! Их лица и имена в памяти сотрутся. Так что не дури! Такой тебе мой совет.

Пока раскладывала всё сказанное Леной по полочкам собственного разумения, та уснула. В палате раздалось её лёгкое посапывание.

А Илона ёрзала на постели, пока не сбила в кучу одеяло с простыней. Вскочила, включила свет и стала перестилать постельное бельё. А сама тихонько бубнила себе под нос: «Странная эта Лена. Сама внешне под мальчишку-подростка косит, а рассуждать начнёт — как самая что ни на есть древняя старуха! Откуда столько всего и знает?»

На другое утро не удержалась, спросила у Лены:

— Лен, а откуда ты столько всего знаешь?

— Книжки читать надо! — довольно рассмеялась та, словно ждала этого вопроса.

— И как у тебя времени на них хватает? Тут по программе-то не знаешь, как всю нужную литературу осилить... Ты ведь бизнесом занимаешься, насколько я понял.

— Правильно понял. — И многозначительно подняла палец вверх: — Книжным бизнесом! Я с детства чтением упивалась. А потом решила свой магазин книжный открыть. И продавать

ту литературу, какая, на мой взгляд, полезна людям. В наши дни столько чтива развелось. Ни уму, ни сердцу, ни душе. Воруют драгоценное время человека! А у меня в магазине — что в хорошей библиотеке. Не просто чеки выбиваю, с каждым покупателем о книгах и вообще о жизни беседую. И привожу из Москвы те книги, которые сама читала и ценю.

— Ну, даёшь! — только и могла сказать Илона. — А доход от продажи этих книг какой-то получаешь?

— На жизнь хватает, — грустно усмехнулась Лена. — Зато все покупатели моими друзьями становятся. И это дороже всякой прибыли!

Только теперь Илона догадалась, почему её соседки в дневное время в палате почти никогда не было. Всё время кто-то вызывал.

— Знаю, в наши дни трудно в бескорыстие поверить. Вижу, сомнения тебя одолевают. А потому объясняю. Для того чтобы концы с концами сводить и аренду покрывать, канцтовары привожу.

— И одна со всем этим справляешься?

— Почему одна? Продавцом у меня младшая сестра. Девчонка ответственная, серьёзная, во всем мне помогает. Вот так и крутимся вдвоём, вот так и перебиваемся.

— А по образованию ты кто? — не смогла сдержаться любопытства Илона.

— Филолог, — грустно усмехнулась та. — Целых три года в школе отработала.

— С дисциплиной проблемы были? — поинтересовалась Илона. Представить Лену перед классом почему-то не могла.

— С чего это ты взяла? — улыбнулась та. — Наоборот. С ребятами-то как раз всё и получалось. С этим делом всё просто: естественной, прямой и честной нужно быть. Дети ведь максималисты. У них требования к учителям высокие. Так ведь говорю?

Илона кивнула.

— А уволилась тогда почему?

— С директором конфликт вышел. Живую работу люблю. А вот документация липовая, очковтирательство всякое — не по мне это! К тому же не все программы устраивали. Школьников не только образовывать, в первую очередь душу их воспитывать нужно. И это лучше всего делать

с помощью художественных произведений. Так что программы школьные по литературе давно пересмотреть пора. Ну да ладно, не буду тебе голову морочить, — засмеялась она. — Вон глаза у тебя уже по пять копеек. Сама потом до всего дойдёшь. А в магазин ко мне приходи. У меня для тебя много чего интересного найдётся.

* * *

Выписавшись домой из больницы, Илона погрузилась в чтение книг. И несколько дней в школу не ходила. Родители не доставали. Общалась с ними по-прежнему сдержанно. На все вопросы отвечала коротко и сухо: «да», «нет», «не знаю», в лучшем случае — «буду». Или резкое: «Оставьте меня в покое!» Странное дело, но всё то, что казалось понятным в больнице, дома начало давать сбои. Особенно когда слышала перепалку отца с матерью. Отец настаивал на том, чтобы всё-таки подать на Тарасова в суд. Илона молча злилась. Как всегда, рубит сплеча. Уже однажды схватился с воспитательницей. И чем это для неё кончилось?! Мама утверждала, что от судебных процедур себе дороже будет. Над ней, как всегда, страхи брали верх. Бабушка по телефону поддерживала маму и приводила медицинские аргументы в пользу её доводов. Слыша всё это, Илона горько усмехалась. Похоже, её мнение никто в расчёт брать не собирался! А ведь Сусанна Арнольдовна говорила, что в Борьке бурлит «неразделённая любовь». Мол, Илона грубо отвергла «высокие мотивы» и тем самым дала волю его «низменным порывам». Мудрено, но в этом что-то было!.. Может быть, Борька и правда пригласил её домой не с тёмным умыслом. А просто хотел выразить все свои чувства, во власти которых находился столько лет? И стыдно ему было признаваться в любви среди бела дня, да ещё у прохожих на виду. Ведь не зря говорится: «От любви до ненависти один шаг!» Сусанна Арнольдовна права. Как она там сказала? «Нужно было перевести стрелки чувств с колеи страстей на рельсы ровных дружеских отношений». Записать надо. Умно сказано. Нужно-то нужно! Только как?! Ей ведь не

шестьдесят, а всего шестнадцать лет! У Сусанны Арнольдовны, конечно, логика железная. Для того, говорит, мы и живём на этом свете, чтобы усваивать жизненные уроки. И главная задача каждого — умело выстраивать добрые человеческие взаимоотношения, создавая вокруг себя не ад, а рай. Мудрено. И книги, которые Сусанна Арнольдовна дала ей почитать, тоже слишком заумные, конечно! Илона за один раз осиливала только два-три листа, а потом её начинала одолевать такая зевота, что «рвался рот» от перегруза новой для неё информации. Но, как ни странно, к книгам этим всё равно тянуло, как тянет к тайным местам кладоискателей. Где же зарыт этот кладёзь ответов на все так мучающие её вопросы?

Лежала на тахте поверх покрывала и, как локатор, принимала и отражала всякие мысли. А их откуда только не приносило! Больше всего, конечно, интересовало, будет ли ходить в школу Борька. Как — и главное — каким (!) заявится в класс после всего? Как Кутузов, с чёрной повязкой на глазу? И как встретят её в классе? Кто и на чью сторону встанет? Решила прозондировать обстановку через подругу Свету. Включила позабытый-позаброшенный мобильник и сразу услышала Светкин радостный голос:

— Илонка! Ты?! Я думала, что ты в монастырь подалась! Почему не звонила-то? И главное — телефон «вне зоны действия сети».

— А-а! — отрубилась она. — Что там у вас новенького?

— Скажешь тоже, «новенького»... Болото! К экзаменам натаскивают. Как пальцем в небо — и угадать! Учителей от этого ЕГЭ как в лихорадке трясёт. А ты-то как?

— Нормально. Выписали уже. Только ты об этом в классе не трékни.— И соврала: — Мне ещё несколько дней в больницу на процедуры ходить.

— Ой, Илонка, не послушала ты меня тогда! Ведь хотела тебя до дома проводить. Так ты упрямая такая...

— Ладно! Что теперь об этом?..

— А Борька как? Ты у него была?

— Да. Ещё не встаёт.

— Слушай, мама говорит, что его папаша на тебя бочку катит. Требуется, чтобы Борька заявление в милицию написал, а Борька ни в какую! Сказал, что сам во всём виноват. А если, мол, папаша давить на него будет, то он, Борька, вообще из дома убежит.

— А папаша что на это?

— Я у тебя как на допросе! — съязвила Светка. — Скажу правду — так ведь расстроишься...

— Ладно, говори давай. Не от тебя, так от других узнаю.

— Ай, ну его! Ты ведь его папашу знаешь! Его заносит! Утверждает, что вы Борьку подкупили, потому он и артачится. Ну и всякую там прочую пургу гонит! Не хочу я тебя этой грязью мазать! Илон! Алло! Ты меня слышишь?

— Слышу, — тихо буркнула она. — А мать его что?

— Известное дело — плачет. Говорит, что Борька теперь видеть левым глазом не будет. Она верит, что он, Борька, не хотел тебе сделать ничего плохого. Просто ты без царя в голове.

— Спасибо, Свет! Ты о нашем разговоре никому не говори, ладно? Я телефон снова отключу.

Нажала на кнопку. Связь с «бранным миром» сразу оборвалась. В груди всё сжалось. Сердце заколотилось так надрывно, словно его, тёплое и мягкое, поместили в ржавую коробку с острыми шипами внутри. И оно бунтовало, пытаясь расширить вокруг себя тесное пространство.

И снова захотелось убежать на край света. Не видеть бы никого сто лет! Жить бы где-нибудь в таком глухом месте, где не ступала нога человека. Писали ведь об одной семье. Жили себе в сибирской тайге, вели натуральное хозяйство. Ничем не болели. Ни телевизоров, ни приёмников не имели. Только то, что сделали своими руками. И детей своих читать, писать, считать сами учили. Интересно, а вот Борька мог бы в такой изоляции от всего мира жить? Так-то он парень рукодельный. По труду одни пятёрки стояли. И когда в восьмом классе деревья вокруг школы сажали, с удовольствием землю копал. Даже Алла Ивановна похвалила. И тут же устыдилась своих мыслей. А Борька-то тут при чём? Ведь это ей, не ему, сквозь землю провалиться хочется. Однако в памяти

застряла сказанная Леной мудрая фраза: «От себя не убежишь! Всякая нерешённая проблема ходит вокруг человека кругами. И до тех пор блокирует путь, пока не получит успешное разрешение». Мда-а-а!

Однажды вечером в дверь позвонили. И она услышала голос Вовки Денисова:

— Здравствуйте! А Илона дома?

Хотелось закричать: «Нет!!!» Но мама уже рассыпалась в любезностях и заглядывала к ней в комнату:

— Илона, к тебе пришли. — Вечно она не в своё дело сунется!

Встать даже и не подумала. Пусть входит. Ей-то что!

— Привет! — как всегда спокойно произнёс Вовка, будто виделись они только вчера. И плотно прикрыл за собой дверь. — К экзаменам готовишься? — кивнул на развёрнутую книжку.

— Да нет, постигаю чужой жизненный опыт из философской литературы, — сыронизировала она.

— В школу скоро придёшь? — Не дожидаясь её приглашения, Вовка удобно расположил себя в кресле, что стояло напротив. Простой, однако. Она бы так в чужой квартире вести себя не могла.

— А ты что, по мне скучаешь? — продолжала ёрничать Илона.

— Конечно! — ничуть не смутился Вовка.

Зато смутилась она. И даже в краску кинуло.

— Ну что там в нашем классном мире деется? — с каким-то вызовом спросила Илона. — Всё мусолите пикантные подробности нашей с Борькой варварской любви?!

— Да брось ты! В жизни всякое бывает. Ну, поговорили два дня и забыли. К экзаменам готовимся. Забот у всех хватает.

Илону задело. Значит, никому до неё дела нет?! Каждый о своей шкуре печётся.

— Рассуждаешь как замшелый старикан! — вдруг взорвалась она. — Честно можешь сказать: осуждают меня или жалеют? Кто и на чьей стороне?!

— Будешь разговаривать со мной таким тоном — уйду! — твёрдо сказал Вовка. А Вовка —

он такой. За ним не заржавеет. Сказал — сделает. — Не за тем пришёл, чтобы твои истерики выслушивать. Ты не пуп земли, чтобы вокруг тебя всему миру крутиться!

— Та-а-к! Вот как ты заговорил! А зачем?! Зачем ты пришёл?! — никак не могла взять себя в руки Илона.

— Я у Борьки в больнице был. Поговорить он с тобой хочет. Знаешь, Бульба очень изменился. Вполне адекватен. Встаёт уже. Сходи к нему. И тебе, и ему легче будет.

— Денисов! Что я слышу?! — продолжала выдвигаться она. — А знаешь, тебе идёт эта роль миротворца! Кто тебя надоумил? Классная? Или его папаша? Он ведь всех пытается убедить в том, что я Борьку подкупила!

— Не знаешь, на кого адреналин скинуть? Разве я похож на отстойник всякой грязи?

Илона молчала. Наконец сделалось стыдно. Правда, в чём он-то виноват? Пришёл как человек, по-дружески, спокойно, а она как с цепи сорвалась. Какое-то время молча кусала губы и пристально рассматривала Вовку. А Вовка разглядывал картины и панно на стенах её комнаты. За эти три года Вовка здорово вырос. Будто кто его за уши тянул. И теперь самым маленьким в классе его назвать было никак нельзя. Да и мышцы изрядно накачал. Его на тренировки Борька надоумил. И теперь вот — «лебшие друзья». Вон как за него горой стоит!

Пауза затянулась. Вовка встал.

— Ладно, я пойду. Вижу, что мои советы тебе не нужны. Миссию свою я выполнил. Борька попросил — я передал. А дальше — дело твоё. Только Борьку и папашу его в одной куче не мешай. Борька тебя никому в обиду не даст. Так и сказал!

Вовка ждал, что ответит она. Но она не ответила, закрыла тему.

— Дети! Идите чай пить! — раздался певучий голос матери из гостиной.

— Спасибо! Я тороплюсь! — откликнулся Вовка и, взявшись за ручку двери, сказал: — Ребята, между прочим, тебе привет передавали. Знай: ждём тебя!

— И ты?! — снова уколола его Илона.

— Я — в первую очередь. И говорю это вполне серьёзно. Как-никак за одной партой три

года сидели. Что ни говори, а ассимиляция — вещь серьёзная и научно доказанная. Кстати, Борьке надо помочь в учёбе. Я по математике его подтяну, ну а ты — по литературе и русскому. Филология — твой конёк. — И, подмигнув ей, добавил: — Поправляйся давай. Пока!

После ухода Вовки на душе сделалось как-то необычно спокойно и даже, можно сказать, прозаично. Как после похорон хорошего человека. Ушёл человек из жизни, а жизнь знай себе продолжается! Завтра георгины высадить надо. Значит, всё-таки Борька хочет, чтобы пришла.

А вот во сне снова мучили кошмары. Приснилось, будто по озеру плывут две гагары. Откуда ни возьмись — Борькин отец. Как обычно, в форме. Целится в птиц из ружья. Она стоит на берегу и видит это. Её охватывает ужас, она кричит и голоса своего не слышит. Тогда, размахивая руками, бросается наперерез, закрывая своим телом дуло двустволки. Ждёт выстрел, но выстрела нет. Борькин отец хохочет и опускает ружьё. А она бессильно оседает на песок и горько плачет. Рядом с ней присаживается и Борька. Пытается отвести её руки от лица и поцеловать в мокрую щёку.

На другой день засобиравшись к Борьке в больницу. Родителям ничего не сказала. Не их ума дело! Купила фруктов — и вперёд.

Увидев её в дверях палаты, Борька сразу вскочил. Лицо осветилось такой радостью, словно ему, обречённому на вечную каторгу, вдруг даровали невообразимую свободу. Но тут же обуздал свои эмоции.

— Привет! — и, оглянувшись на соседей по палате, поспешно предложил: — Давай, Илон, в коридор выйдем. — А в коридоре, смутившись, попросил: — Лучше на улицу. Не возражаешь? — Она покачала головой.

Сели на одинокую скамейку, что пряталась за раскидистым кустом сирени. И долго не знали, с чего начать разговор.

— Тебя когда выпишут? — первой нашлась Илона.

— Не знаю, — пожал плечами он. — В Москву направление дают. На ещё какую-то операцию. Надоело мне всё! В школу хочу. Как там наши?

— Не знаю, не была, — вздохнула она.

— А ты-то что?! — искренне удивился он. — Ведь вроде я тебе ничего не поломал...

— Простой ты, Борька, однако! А душа, значит, не в счёт?

Густые Борькины брови поползли вверх.

— Во даёшь! Я думал, тебе всё равно! Один я мучаюсь...

— Скажи мне, что легче: забивать голы или отбивать их?

Борька улыбнулся как-то жалостливо, с мольбой в здоровом глазу:

— Люблю я тебя, Илонка. И ничего поделаться с собой не могу. Не обижайся ты на меня за это, ладно?

Но даже за руку не взял. Горько усмехнулась про себя: урок усвоил.

— Знаешь, Борь, ты любишь меня как интересную игрушку, которую непременно хочешь иметь. Ты — собственник, Борька. И идёшь на поводу своих желаний. А желания наши, как кони, могут привезти и в грязную конюшню! Что ты сделал для того, чтобы во мне проснулись те же чувства? А такое реально могло быть!

— Да ты что?! — вырвалось у него. И даже голос сразу осип. — Это что-то уже из области фантастики! Мой глаз того стоит!!! Да что там глаз! Полжизни бы отдал! Только вот «могло» или «может»?

Она улыбнулась. Погладила его по руке. Он даже глаза закрыл от блаженства. Сидит себе, млеет. Прямо ручным сделался, как котёнок. Вот-вот замурлычет.

— Помнишь, нам в детском саду сказку читали... Про солнце, мороз и ветер. Кто быстрее разденет человека. И в результате — что? Солнце, Борь! Оно оказалось сильнее. А ты всё действовал грубой силой. Вот и приплыли!

— Давай, Илон, забудем об этом! И никогда не будем вспоминать! Ладно? — На лице у Борьки отразилась такая боль, что захотелось прижаться щекой к его груди. И от мысленного порыва этого даже в жар бросило.

— Давай, — тихо согласилась она, обхватив ладонями пылающие щёки. — Тебе по русско-му помощь нужна?

— А как же! — снова весь засветился он. — Вот уеду в больницу, буду тебе письма писать.

Подчёркивай мои ошибки и с комментариями высылай обратно. Идёт?

— Договорились!

Лёгкий ветерок пахнул на них ароматом сирени. Странно. Ещё не расцвела, а так благоухает! И это солнце!.. До чего ж приятно ласкает лицо. Интересно, чувствует ли это Борька? И, взглянув на него, засмеялась. Он тоже, как и она, с самым блаженным видом тянулся носом к солнцу. Было так хорошо, даже говорить не хотелось. Сидеть бы так целую вечность! Никогда ей не было так спокойно в Борькином присутствии.

— Знаешь, — тихо произнёс Борька, — а Вовка Денисов — отличный парень! Мы с ним крепко скорешились! Он ведь ко мне первым в больницу пришёл. До чего ж у него голова светлая! Книг, наверное, много читает... Хотя, может, он такой от рождения. В генах заложено. Как думаешь?

Не успела она ответить, как Борька вдруг задёргался и потемнел лицом. И даже солнце в испуге спряталось за тучу. На крыльце больницы стояли его родители. Отец поворачивал свои могучие плечи то в одну, то в другую сторону, искал взглядом сына. «Интересно, почему у него шея не вертится?» — пронеслось у Илоны в голове. И дурнее мысли не придумает!

— Вот блин! Везёт как утопленнику! — в сердцах ударил себе Борька кулаком по колену. И скривился, как от зубной боли: — Только предков мне сейчас и не хватало! До чего ж некстати! Ну всегда всё испортят! — И почти зарычал: — Это уметь надо!

И только тут до Илоны вдруг дошло: чего стою-то? Бежать нужно! Быстро поднялась и торопливо подала Борьке руку.

— Пока. Я ещё приду! Поправляйся, ладно?! — и для приличия, слегка кивнув в сторону Борькиных родителей, исчезла за кустом. Только её и видели.

По пути домой шла и сама себе улыбалась. Господи! До чего ж оказалось всё просто! И это надо было двенадцать лет копыя ломать?! Совсем не злой он, Борька! Когда улыбается, и вовсе как ребёнок. Губы тоже по-детски толстые, пухлые. Усики топорщатся смешно. И

почему всё это разглядела только сегодня? Почему раньше взгляд на него боялась поднять? Гагарой перестал звать. Почему? Она ведь не обижается. Ей даже очень идёт!

Мимо кустов черёмухи проходила не торопясь. И то место, где топтался в тот злосчастный вечер Борька, поджидая её, уже не казалось таким зловещим.

А вечером к ним домой заявился Борькин папаша. Услышав его зычный голос в прихожей, окаменела от страха и недобрых предчувствий. Видно, сон в руку!

Тарасов-старший требовал, чтобы ему позволили поговорить с Илоной, как он выразился, «приватно». Мать с отцом стояли насмерть: мол, дочь и так много перенесла из-за вашего взбалмошного сына.

Обстановка накалялась. И неизвестно, чем бы это всё закончилось, но тут Илона, пересилив страх, потянула на себя ручку двери и тихо вышла в прихожую.

Борькин отец был в форме и при всех своих внушительных регалиях. Про себя отметила: вырядился как на парад!

— Ну, здравствуйте, — с ног до головы окидывая её строгим и каким-то даже оценивающим взглядом, произнёс он. — Я бы хотел поговорить с вами, так сказать, с глазу на глаз. Да вот родители ваши возражают. Может быть, нам лучше выйти на улицу?

— Нет! — встал в дверях отец. — Этого я не позволю! У вас нет такого права — врываться в наш дом и травмировать дочь, которую только что выписали из больницы!

— Мы будем жаловаться! — в тон ему испуганно кричала сквозь слёзы мать. — Думаете, раз вы работаете начальником милиции, вам всё позволено?!

— Да ничего я не думаю! — повысил голос Тарасов-старший. — Пришёл с дочерью вашей поговорить! — И с сарказмом добавил: — Заметьте: без оружия, понятых и санкций на обыск.

— Мам! Пап! Ну что вы?! — укоризненно посмотрела на родителей Илона. — Пройдите в мою комнату, — тихо пригласила она и толкнула локтем дверь.

Мать с отцом переглянулись и, казалось, на-

долго лишились дара речи. Тарасов-старший поспешно протиснул широкие плечи в дверной проём. Илона плотно прикрыла за ним дверь и указала на кресло:

— Присаживайтесь, пожалуйста.

— Благодарю, — кивнул головой он. — Вас, кажется, Илоной зовут? — И строго приподнял на неё одну бровь.

— Кажется, Илоной! — в тон ему ответила она. И сама не поняла: сострила ли или от растерянности машинально повторила фразу за Борькиным отцом.

Устроившись в кресле, Тарасов-старший какое-то время молчал, ощупывая комнату внимательным взглядом. Но вряд ли он осознавал то, что видел. Скорее всего, это было профессиональной привычкой. На самом деле просто приводил в порядок мысли. Наконец, вытерев взмокший лоб носовым платком, как-то устало произнёс: — Я не знаю, что там между вами и Борисом в тот день произошло, но факт налицо: сын остался без глаза. Он инвалид! На всю жизнь. Вы это понимаете?! — Илона кивнула. — Мне, как отцу, это больно сознавать. — Голос у него дрогнул.

— Понимаю, — тихо выдавила из себя она. — Я могу чем-то помочь?

Он вскинул на неё удивлённый взгляд. И Илона уловила в этом взгляде что-то до боли знакомое, Борькино. И неожиданно для себя улыбнулась.

— Вам смешно?! — прохрипел Борькин отец.

— Нет, извините, — заторопилась объяснить она. — Просто Борис очень на вас похож. Я только сейчас это заметила...

Тот крякнул, но проглотил.

— Не ходите к нему в больницу больше, умоляю вас! — мрачно произнёс он. Теперь у него уже тряслись губы. И опять трудно было понять, от гнева ли или от раздирающих душу чувств.

— Так Борис просил? — В горле у Илоны тоже запершило.

— Нет! Мы, родители, вас об этом просим!

Илона опустила глаза.

— Вы думаете, так для него будет лучше?

— Уверен! — Борькин отец произнёс это с таким чувством, что даже шея у него побурела. — Конечно, он никогда не признается в этом да-

же себе, не только вам. Я допускаю, что у него к вам были... какие-то юношеские симпатии, но после всего этого!.. — Он снова достал платок, вытер потное лицо и продолжал теперь уже торопливо, словно опасаясь, что ему помешают высказать всё то, важное и главное, ради чего он пришёл сюда. — Перестаньте мучить его! Сын и так поступил слишком благородно. Не позволил мне дать ход следственной процедуре и взял всю вину на себя. Неужели вам и вашим родителям этого недостаточно? — Последние фразы он произнёс срывающимся шёпотом. И при этом посмотрел на дверь, за которой стояла подозрительная тишина.

— Если вы считаете, что мои визиты доставляют ему боль, я обещаю больше этого не делать. — И, наклонившись ближе к его лицу, словно хотела в чём-то удостовериться, тихо спросила: — У вас... всё?

Он растерянно кивнул, поспешно встал и вышел. Мать с отцом по-прежнему стояли с двух сторон у входной двери. Они готовы были в любой момент заслонить собой дверной проём. Однако, увидев дочь живой и невредимой, расступились, освобождая дорогу незваному гостю.

А у Илоны снова началась хандра. Вспомнила светящиеся Борькины глаза в тот момент, когда он увидел её в дверях палаты, его радость, когда она пообещала писать ему в больницу, его далеко не шуточные слова: «Мой глаз того стоит! Да что там глаз! Полжизни бы отдал! Только вот «могло» или «может»?». И то, как почернел лицом, увидев на крыльце родителей...

Ни мать, ни отец вопросов ей больше не задавали. Это было чем-то новым в их поведении. Илону такой расклад дел очень устраивал.

Интересно, слышали они или нет их разговор? А впрочем, какая разница!

Потом стала ломать голову над тем, как дать знать Борьке, что она не приходит к нему не по своей воле. Ведь пообещала — значит, он будет ждать. И тут вспомнила про Вовку Денисова. Ну, конечно же, он поможет ей! И сразу позвонила ему. Очень просила рассказать обо всём только Борису и больше никому. На что Вовка изрёк: «Обижаешь, однако!..»

А на другой день за ужином мама, переводя напряжённый взгляд с отца на Илону, вдруг сказала:

— Тарасов Борис, говорят, из больницы убежал. Везде его ищут. Никто не знает, где он. Родители с ног сбились...

Вилка так и застыла в руках Илоны. И к ужину не притронулась. Выскочила из-за стола и закрылась в своей комнате. Сквозь стену было слышно, как отец кричал на мать. Мол, запрещает упоминать эту фамилию «Тарасов», где их сын — дело родителей. Говорил, что очень сожалеет о том, что не выпихал Тарасова-старшего из их дома. Но больше всего резанула слух фраза: «По таким, как этот отпрыск тарасовский, давно тюрьма плачет!»

А у Илоны всё тряслось внутри. Борька — шальной! От него всего можно ожидать. Только бы не сделал с собой чего!.. Если его отец говорил с ним так же, как с ней... Можно представить Борькино состояние! Господи! Ну откуда это всё сыплется на её бедную голову?!

И снова схватилась за мобильник.

— Вовка, привет! Говорить можешь?

— Сейчас, — буркнул он, видимо, на всякий случай выходя из дому.

— Ты у Борьки в больнице был? — не дождалась она его ответа.

— Был. Всё рассказал, как ты просила. — Говорил Вовка так сдержанно, словно боялся выронить из своей умной головы лишнее слово. Вытягивать информацию приходилось почти по-иезуитски, что всегда так раздражало Илону.

— Ну, а он что?!

— Не знаю, — сухо оборвал Вовка.

— Врёшь! — взорвалась Илона. — Где он сейчас, говори!

Но Вовка молчал. Вот идиот! Только бы трубку не бросил.

— Вов, ну... — тут же сменила она тон. — Прощу как человека, скажи хотя бы, с ним всё в порядке?

— Вот пристала! Нормально всё! И больше не тяни за язык. Надоели вы мне все!

И отключил телефон. Но и этой информации хватило. От сердца отлегло. Скорее всего, этот фарс был придуман Борькой не для неё —

для родителей. Вовка явно был в курсе всего. И ничего страшного с Борькой не случилось. Прячется в каком-нибудь сарае. По ночам уже не так и холодно. Короче — партизанит. И Вовка у него типа связного.

Прошло мучительных два дня. Она снова набрала Вовкин номер. И, стараясь говорить как можно равнодушнее, спросила:

— Вов, привет! Ну что там о Борьке слышно?

Но тот отрубил все вопросы двумя жёсткими фразами:

— Понятия не имею. Извини!

Тогда решила подъехать к матери. И после ужина, помогая ей вытирать посуду, тихо, чтобы не слышал отец, поинтересовалась:

— Мам, чего там про Тарасова на работе у тебя говорят?

Мама, тоже оглянувшись на спину отца, который в гостиной смотрел телевизор, шёпотом сказала:

— Ой, Илон, народ будет языками трепать! Только ты никого не слушай. Про экзамены думай. Сколько уж уроков пропустила!

Понятно. Сговорились. Ограждают её от всякой информации. Что же придумать-то? Как-то надо мать всё-таки разговорить. И, сделав обиженный вид, произнесла:

— Пеняешь, что ничего вам не рассказываю. А сами-то? Вон Светка Татарина с мамой — как две подруги, а ты всё стенку между мной и собой ставишь. Ни о чём с тобой не поговорить! Всё маленькой меня считаешь?

Мать покачала головой. Видно, нажала ей всё-таки на любимую мозоль.

— Ну что я буду передавать сплетни разные! — Помолчала, но недолго. Оборвать паутинную нить редкого откровения всё-таки не решилась. — Отец Тарасова — деспот, каких поискать! Сын с ним на ножах. За мать заступается. Не раз уж в драку схватывались. Жаль женщину! Как только терпит такого... всю жизнь?! У него вон шея бычья, а она — от ветра шатается.

— А Борька никому ничего об этом не говорил...

— Ну и правильно. Хоть это делает ему честь. Порядочные люди сора из избы не выносят. Тем более что этим ничего не изменишь. Мать больна очень. На инвалидности. Нигде не ра-

ботаёт. А значит, от мужа материально зависит. Сына-то на ноги поставить надо.

— А что с ней? — отложила в сторону посудное полотенце Илона. И села, как старушка, сложив руки на коленях. Вся ушла во внимание.

— Точно не знаю. Операция на сердце была. Расстраиваться ей совсем нельзя. Только где тут! То муж, то сын вот теперь... — ни тот, ни другой ведь горя не убавят. — Она вздохнула. — И что этот Борька от тебя не отстанет?! С детства в семье насмотрелся всего. И вот он, результат!

Взглянув на неё, мать вытерла руки о передник, обняла, присела рядом, прижала к себе.

— Ты за Борьку не переживай. И с ним не сближайся. У него в генах отцовское наследие. Тоже, видать, весь мир вокруг своей ноги крутить хочет. Ему такой урок полезен. Нельзя всякой скотине позволять над собой издеваться! А глаз искусственный родители сыну вставят. У них есть на что!

— Ну, мам, и язык у тебя! — вскочила Илона.

— А что не так сказала-то? — искренне удивилась та.

— Зачем Борьку скотиной назвала?

— За звериные инстинкты! Видишь, что придумал! Силой девчонку брать!

— Да ну тебя! — тряхнула головой Илона и быстро пошла в свою комнату.

Легла на тахту вниз лицом. Ну вот, пооткровенничали! И всегда так.

Готовы Борьку с потрохами съесть! В генах, говорит, отцовское наследие. А почему тогда Борька за мать заступается? Шутка ли — с отцом схватиться?! Представила — и жутко стало. У папаши его плечи шире шкафа. В дверной проём вон еле влез. А Борька хоть и здоровый парень, но кулаки-то всё равно не кувалды, как у его папаши. И вспомнилось, как однажды Борька в школу с синяком пришёл. На все вопросы пацанов отшучивался: «Шёл, упал, проснулся — в гипсе!» Или: «С быком здоровкался!» И при этом растягивал щёки руками в стороны. Дурацкая привычка! Но смешно.

А перед глазами — Борькино лицо, закрытое от слёз рукой, каким видела в больнице. Зачем мать его скотиной-то назвала? На своего бы мужа посмотрела. Характерец-то тоже не пода-

рок. А Борькин папаша, судя по их разговору тогда, не такой уж и хам. Хотя, может, только с чужими так? А со своими — как Кабаниха из пьесы Островского «Гроза»: «...нищих оделяет, а домашних заела совсем!» А Борька-то хоть бы что кому по секрету сказал. Ему только в ФСБ работать! Понять-то его, конечно, можно — мигом бы по городу разлетелось. И папашина репутация — вдребезги! Откуда мать её всё это знает? На работе, наверное, за чаем судачат. Может, кто-нибудь из соседей слышал. Ведь шила в мешке не утаишь. Тем более в их маленьком городке. Знала бы раньше про Борьку такое, не стала бы ему на каждом шагу грубить. Права Лена: от женщины многое зависит.

Встала, подошла к шкафу с зеркалом. Что там у тебя, голубушка, в глазах? И обхватила щёки руками. Боже мой! Взгляд как у заезженной лошади! И никакой силы, одна мучительная тревога. Ну где же он может быть? Хоть бы позвонил, что ли! И Вовка — хорош гусь. «Понятия не имею. Извини!» — передразнила она Денисова. И попробовала улыбнуться, как Борька, растягивая щёки в стороны. Но смешно не было. Наоборот. Губы сами по себе начали кривиться. А что если Светке позвонить? У неё мать много чего знает. Со Светкой делится. А ведь это идея!

Та долго не брала трубку. Где может быть? Или разговаривать не хочет? Только поздно вечером Светка наконец откликнулась:

— Привет, Илон. Когда в школу придёшь? — А в голосе столько фальши. Что-то знает, но хочет увильнуть от разговора.

— Свет, ты мне про Борьку правду скажи!

Подруга вздохнула и долго молчала. Как обычно, набрав в лёгкие воздуха, теперь задерживала дыхание.

— Ну уж колись, а?! — поторопила она.

— С отцом у него в больнице какой-то скандал вышел. Что-то там опять тебя касалось. Ну а Борька, ты же его знаешь, за тебя грудью на амбразуру ляжет! Словом, сбежал он из больницы. Никто не знает куда.

— Это я знаю! — оборвала Илона. — Неужели нигде не объявился?

Светка засопела в трубку. Точно знает что-то, просто сказать боится.

— Свет, подруга ты мне или нет? Знаешь ведь, скажи! Неизвестность эта, как червь, гложет!

— Ну, смотри, только в обморок не упади!

— Да ладно тебе! — И опять пошло на подругу раздражение. Что важничает?

— Короче, вниз по течению реки труп утопленника нашли. Молодой парень, Борькиной комплекции. Лицо обезображено. Кто такой — не узнать. Тарасов-старший туда рванул на опознание. Мать на «скорой» увезли. С сердцем плохо стало. В школе тоже только об этом и говорят. Словом, весь город лихорадит. — Говорила, как отстукивала азбуку Морзе. — А ты-то что думаешь? Мог он такое?

— Не знаю! — прошептала Илона. — Пока! — А у самой даже в глазах потемнело.

В эту ночь не могла уснуть до самого утра. В воображении вырисовывались разные картинки. Одна страшнее другой. Представляла Борьку мёртвым. И внутри всё сжималось до стога. Но стонать боялась. Чего доброго, услышат родители. А в ушах слова Лены: «Неужели у тебя к Борьке, кроме ненависти, в душе ничего нет?» И по щекам потекли слёзы. Уткнулась носом в подушку и вдруг прорвало: «Борька! Боренька! Это же я во всём виновата! Я!!! Господи! Прости меня!» И затряслась всем телом.

И тут за окном раздался непонятный шорох, будто кто-то легко перепрыгнул через забор. Потом почудилось, кто-то водит рукой по подоконнику. Подняла голову, прислушалась. Увидела тень прильнувшего к стеклу лица. И внутри всё зазвенело: Борька! Это он!!!

Отдёрнула штору и, стараясь хоть как-то сдержать возбуждённое дыхание, осторожно и тихо раскрыла окно.

— Борька! Миленький! — в порыве обняв его за шею, прошептала она. — Слава богу! — И больше ничего не могла говорить, душили слёзы.

А он, дурачась, по привычке растягивал в улыбке щёки руками.

— Глупенькая! Что ты?! Я в порядке! Пришёл вот за тобой, позвать рассвет встречать. Пойдём?

Ещё спрашивает! Легко перекинула ноги через подоконник. И оказалась в крепких Борькиных

объятиях. Сколько стояли так — кто бы мог ответить?! А кому и отвечать, когда весь мир замер и блаженно закрыл глаза. Не дремали одни соловьи, которые стали весёлой трелью будить заспанный рассвет. Держась за руки, они с Борькой крались через палисадник к забору. С внутренней стороны изгороди выбраться на дорогу было несложно. А когда вышли на тропинку, что вела к реке, Борька приобнял её за плечи.

— Дрожишь-то как вся! — и, сняв с себя джемпер, заботливо, как малого ребёнка, укутал её. А она, стыдливо прикрывая грудь руками, растерянно прошептала:

— Ой! Я ведь в ночной рубашке!

— Ну и что! — тихонько засмеялся он. — Ты мне в любой одежде нравишься. К тому же сейчас всего четыре утра. В такую рань все спят. А как солнышко встанет, верну тебя домой! Целую и невредимую! — И легонько прижал к себе. — Сейчас я самый счастливый человек на свете! Ты мне веришь?

Она кивнула. Но от слёз ничего сказать не могла. Каждое прикосновение его рук вызывало во всём теле блаженный трепет. Вот он, оказывается, какой, Борька!

А Борька осторожно целовал её в висок. И душа ликовала. Невольно мелькнула лукавая мысль: хоть бы солнце подольше не всходило, что ли!

И потом так же, в обнимку, сидели на крутом берегу реки. Наблюдали за тем, как из-за леса встаёт солнце. Илона никогда не думала, что оно поднимается так быстро. Сначала розоватые шупальца его обласкали кудрявые головы сосен, потом показалась красная тюбетейка самого светила. И вот уже весь огненный шар запылал, пританцовывая, на лазури неба, и алые лучи на глазах стали наливаться золотом.

— Смотри! Смотри! — вдруг восторженно зашептал ей на ухо Борька. Илона проследила за его рукой и увидела на реке двух плывущих гагар. Вернее, плыла одна гагара, а рядом в уже свитом гнезде, как в лодке, сидела другая. В это было трудно поверить! Они даже привстали и подошли к самому обрыву, чтобы лучше рассмотреть это уму непостижимое зрелище.

— Куда это они переезжают? — шёпотом спросила она.

— Не знаю, но знак добрый! — улыбнулся ей Борька и крепко сжал её в своих объятиях.

А через несколько часов Борька подждал её у кустов черёмухи, чтобы вместе пойти в школу. Домой не ходил. Отложил встречу с родителями до вечера.

У одноклассников, у всех до одного, челюсти отвисли. Ведь они не просто улыбаясь предстали перед классом, явились, крепко держась за руки!

— Вот это да-а-а! — присвистнул Чижиков. — Это называется: «Явление Христа народу!» — Ох уж этот Витька. Где только таких фраз находил!

Любка Прохина от ревности так и выгнулась вся.

— Милые ругаются — только тешатся! — А взгляд такой, вот-вот разревётся.

— Тебе, наверное, Бульба, ради такой любви и глаза не жаль?! — подала свой ехидный голосок Люська Ершова.

— Как ты угадала! — рассмеялся Борька, слегка сжимая руку Илоны. — И, подойдя к Вовке Денисову, попросил: — Давай поменяемся местами. Я с Илоной сяду. У меня учебники дома остались.

Вовка без лишних слов собрал в кучу свои школьные манатки и перешёл на галёрку, на излюбленное Борькино место.

— Ну, Бульба, весь свет затмил! — хохотнул Сашка Кравченко. — Скоро шире Туза в плечах будет! Что только «любоф» с человеком делает!

— Ты, Борька, про глаз не думай. Нынче медицина чудеса творит, — подал свой ленивый голос Лёня Туз. — Я бы весь свой жир на один твой пропавший глаз запросто променял. А если ещё и с Илонкой в придачу...

— Ну, будет вам потешаться! — по-взрослому серьёзно урезонил говорящих Вовка Денисов. — Хуже малолетних! Поглазели — и хватит!

Это подействовало. На какое-то время парни их оставили в покое. А вот девчонкам всё было никак не уняться. Снова начали шушукаться. Катька Федотова вслух озвучила:

— Ну, Гагара, какую «крышу» отхватила! С Бульбой и в омут головой не страшно! Это тебе не Эраст из «Бедной Лизы»!

— А ну закрыли рты! — миролюбивоскомандовал Борька. И класс замер. Знали: дважды Борька повторять не будет. И только Чижикив был в своём репертуаре.

— Гля, как Бульба свою Гагару оберегает! — цинично коверкая слова, хохотнул он. — А ведь ещё Горький писал: «...И гагары тоже стонут, — им, гагарам, недоступно наслаждение битвой жизни: гром ударов их пугает». Но ты, Илонка, не из пугливых. Вон как...

Он не успел договорить, Борька одним прыжком оказался у его парты. И, как мелкому и сопливому, слегка смазал Чижику по затылку. Тот икнул и заткнулся. А в дверь уже, как всегда стремительно, входил физрук. Нулевым уроком был классный час.

— У-у-у! Кого я вижу! — заулыбался он, глядя на вторую парту. — В наших танковых частях прибыло! Только придётся вам, ребята, назад пересесть. А то классу будет не настроиться на работу.

Не сговариваясь, они с Борькой встали и перешли на Вовкино место.

Сидели тихо-тихо, соприкасаясь только локтями. Но и от этого лёгкого прикосновения душа наполнялась тихим восторгом. Никогда Илона не сидела на последней парте. Понравилось!

Домой из школы пришла в этот день поздно. Трудно было расстаться с Борькой. Стояли у кустов черёмухи в обнимку битых два часа, а то и больше. Казалось, оторвись они сейчас друг от друга, налетит ураганный ветер и навсегда разлучит, разнесёт по разным сторонам.

— Ты, Борь, к матери в больницу сходи, ладно? — тихо напомнила ему Илона.

— У-гу-у! — мычал Борька. — А ты мне вечером позвонишь?

— У-гу-у! — в тон ему мычала она.

И, как малые дети, хохотали, сами не зная почему.

Мать вернулась с работы чернее тучи. Такой её Илона ещё не видела. Молча прошла в спальню, даже не взглянув на неё. Чего это она? Неужели что-нибудь видела? Ну, как они с Борькой через палисадник крались... Да нет, не

может быть. В окно ведь влезла тихо. Если бы мать что услышала — притворяться бы не стала. И отец храпел. Встали ровно по будильнику. И утром всё как обычно: каша, чай, дежурные вопросы. И даже поцелуи — по этикету.

— Мам, ты чего такая? — не удержавшись, спросила она, войдя следом.

— Какая?

— Смурная, как однажды выразился один мой знакомый.

— Какой знакомый? — насторожилась та.

— Да нет, я так просто, — не могла сдержать счастливой улыбки Илона. — На работе что случилось? Или с отцом по телефону из-за чего-нибудь поцапались?

Мать повернула голову и, глядя куда-то в сторону, тяжело выдохнула:

— У Борьки мать умерла!

— Как это?! — так и села на табурет Илона. С ужасом смотрела на мать, надеясь услышать: мол, прости, пошутила. Но та продолжала мрачно смотреть куда-то в пол. — С чего ты взяла? Может, наболтали? — и, как старушка, прикрыла рот рукой. — Быть такого не может!

— В больницу звонила. Этим, знаешь, не шутят. Что за напасть такая?! Всё время почему-то жалела эту женщину. Не могу объяснить тебе, но увижу её — сердце сжимается. Каково ей было в последнее время?! Сначала сын пропал, теперь вот сама умерла. Как проклятье на семье какое!..

— Мам, Борька жив, в школе был, — осторожно дотронулась Илона кончиками пальцев до руки матери. — У нас с ним всё хорошо. Меня проводил и домой пошёл. — И закрыла лицо руками: — Господи! Что с ним сейчас будет!!!

— Говоришь, домой пошёл? — резко повернулась к ней мать. И неожиданно быстро схватила куртку с вешалки.

— Одевайся давай, пошли!

— Куда? — не поняла Илона.

— На Кудыкину гору! — неизвестно почему рассердилась та. — К Тарасовым! У них ведь и родственников здесь нет. Помочь людям надо! К тому же отец у Борьки знаешь какой. Не дай бог что опять случится!..

До Борькиного дома шли молча, как на гильотину. Каждый в себе искал какие-то слова, которые говорят в утешение. Но слова не на-

ходились. И ноги с каждым шагом деревенели.

– Ты знаешь, в какой квартире он живёт?

Илона покачала головой. Дома у Борьки бывать не приходилось. Денисов наверняка знал. Послала Вовке эсмэску. Говорить по телефону не могла. Тот откликнулся цифрами. Видно, ещё ничего не знал.

Дверь в квартиру была почему-то открыта. Вошли без стука. Борька сидел на стуле в гостиной, обхватив голову руками, отец – на полу, прислонившись тучной спиной к дивану. Глаза у него были закрыты, лицо воспалённое, мокрое от слёз. Форменный пиджак расстёгнут, галстук сбился на сторону. На рубашке не хватало первых двух пуговиц. Дрались они, что ли?! Сначала Илона подумала, что Тарасов-старший просто пьян. Потянула носом. Но водкой в комнате не пахло. Картина эта так потрясла Илону, что она тихонько толкнула мать в бок, показывая глазами на дверь, мол, может, всё-таки позвонить надо было. Но мать отмахнулась. Кивнула на Борьку. Илона поняла. Подошла, обняла его за спину. А мать в это время тронула за плечо Тарасова-старшего.

– Примите наши соболезнования. Понимаем, слова тут бессмысленны, но позвольте остаться помочь в чём потребуется.

Борька, не поднимая головы и не стесняясь родителей, благодарно прижался мокрыми губами к шее Илоны. Его отец тоже открыл глаза, но взгляд был невидящим, бессмысленным. Однако, услышав чужой голос, всё же начал приходить в себя, тяжело и неуклюже подниматься с пола. Широко расставив ноги, остановился посреди комнаты и растерянно водил крепкими, как воинский щит, плечами. И был сейчас так похож на Лёню Тузова, смотревшего так же, когда кто-нибудь из парней, пробегая мимо, больно бил его кулаком в спину, между лопаток. Провел рукой по лицу, словно хотел таким движением освободиться от свалившегося на него горя. Наконец его блуждающий взгляд остановился на них с Борькой. Илона съёжилась и хотела убрать Борькину руку со своего плеча, но не тут-то было. Борька упрямо демонстрировал отцу их отношения. А тот продолжал буравить их своим пристальным, но каким-то неосмысленным взглядом. Потом, осознав наконец, кто перед

ним, обхватил голову руками и застонал, да так отчаянно, что и они с Борькой, и мама разом сорвались с места. Но Борькин отец резко остановил их движением рук.

– Простите меня! Я... сам... я сейчас...

Шатаясь как пьяный, направился в кухню. Мать – за ним. Они с Борькой наконец остались одни. Сели на диван, прижались друг к другу головами.

– Вот и доигрался я, Илонка. – Голос у Борьки сорвался. – Ты знаешь, какая у меня мамка добрая была! И всех всегда понимала.

Слушала его и молчала. У неё, как тогда в детском саду, язык будто отсох. И хотелось что-то сказать, и не могла. Наконец выдавила:

– Все мы, Боря, в этом виноваты!

И вздрогнула от громкого звука неожиданно раздавшейся музыки. Это соседи открыли окно. До боли знакомая песня ворвалась к ним в комнату через открытую форточку.

Летела гагара, летела гагара на вешней заре...

И Борьку прорвало. В груди у него всё затряслось. Чтобы она не видела его слёз, зарылся лицом в её волосы.

Господи! Ещё песня эта душу рвёт! Кто и зачем музыку включил? Хотя вряд ли соседи знают, что тут у них творится. Хотела встать, постучать в бетонную стену, но Борька не выпускал её из своих объятий. В голове сновали горькие мысли: «Вот жизнь устроена как! В одном доме – горе, в другом – радость. Выходит, что смерть и песня уживаются рядом...»

Из кухни доносились тихие голоса – не двоих, троих. Прислушалась. Как отец-то умудрился их с матерью найти?! Когда вошёл – не слышала. Наверное, как и они с мамой, в открытую дверь, без звонка. И сразу на голоса пошёл, в кухню. Сидят, говорят: спокойно, обыденно, тихо. Обсуждают похоронные дела – здраво, без слёз, по-деловому. Подумать страшно!

Нежно погладила Борьку по волосам. Тот тихо и ровно посапывал. Заснул, что ли? Хотя что тут удивительного? Ведь не спали всю ночь. Борька, может, и больше. Где-то ведь пропадал несколько суток.

А женский голос, молодой и сильный, выводил с надрывом:

*Кричала гагара,
кричала гагара над крышей моей,
Кричала гагара,
что солнце проснулось и море поёт,
Что море проснулось,
что месяц гуляет, как юный олень,
Что месяц гуляет,
что море сияет, что милый мой ждёт.¹*

* * *

Прозвенел звонок на урок. Первоклашек как ветром сдуло. Видимо, учительница действительно была строгой и к порядку малыши были приучены. И лишь курносая девочка с птичьим прозвищем Сорока всё прыгала и прыгала вверх по ступенькам на обеих ногах без помощи рук.

— Сорока! — звонко раздалось в коридоре.

Илона обернулась. В дверном проёме показалась лохматая голова крупного парня, того самого, что на перемене показывал девочке кулак.

— Ты чего на урок не идёшь?! Допрыгаешься сейчас! Опоздаешь — учительница ругаться будет! — Смущённо взглянув на Илону, он забот-

ливо протянул девочке руку. — Иди давай! — И миролюбиво пообещал: — Я после уроков тебя прыгать научу!

Через минуту-другую шаги их стихли. Школу заботливо окутала тишина. Илона уткнулась лбом в холодное стекло. Дождь прекратился. Ветер тоже успокоился. Золотые листья кружились уже не в бешеном, а в плавном завораживающем танце. Откуда-то из-за туч выглянуло солнце. Солнечные лучи, заигрывая друг с другом, пробежались по плывущим на горизонте облакам.

От её горячего дыхания стекло запотело. И в голове созрела озорная идея. Улыбнувшись своим мыслям, стала водить по стеклу пальцем. На туманном фоне окна появилось размашистое слово: «Гагара!» Однако очень скоро прозрачные буквы «распустили нюни». Крупные капли их остывающих слёз медленно ползли вниз, стекая на подоконник. Слово растаяло быстро и незаметно. Что слово? Вон как быстро пролетели в мыслях целых двенадцать лет. И что тут удивительного? В жизни, как говорится, всё течёт, всё изменяется.

□

¹ Песня на стихи Николая Тряпкина «Летела гагара». Музыка Александра Морозова.

Надежда Борисовна ВАСИЛЬЕВА —

автор двенадцати книг: «Живой души потемки» (1992 г.), «Судите сами» (1998 г.), «Под созвездием Кассиопея» (2004 г.), «Етишкина жизнь!..» (2006 г.), «По прозвищу Гуманоид...» (2007 г.), «Про Стасика, Дашу и бабушку Машу» (2007 г.), «Ральф в гостях у Кристи» (2008 г.), «Сказ об эльфийской принцессе» (2010 г.), «Жили-были...» (2011 г.), «Когда ангелы поют» (2012 г.), «Жу-Зи» (2012 г.), «Боба Теремков» (2013 г.).

Произведения писательницы печатались в журналах и сборниках Германии, Норвегии, Финляндии, Швеции.

Автор является лауреатом республиканских, всероссийских и международных литературных премий («Сампо», «Добрая лира», «Русский стиль», «Славянские традиции», премии журнала «Север»).

Сборник повестей для взрослых читателей «Когда ангелы поют» вошёл в финал Бунинской премии 2013 г.

Финалист Международного конкурса им. С. Михалкова.

